

Новой журналистике – новое образование

Марк РАЦ, заместитель директора Института стратегических оценок

Начну с того, что не так давно в приложении к "Независимой газете" был опубликован обширный – на четыре полосы – материал круглого стола экспертов–политологов на тему: чем больно наше экспертное сообщество. Станным образом некоторые диагнозы, которые поставили себе политические эксперты, перекликаются с некоторыми мотивами книги "Роль прессы в формировании в России гражданского общества", которую Институт гуманитарных коммуникаций выпустил по итогам прошлогоднего семинара. Как выяснили эксперты–политологи, им всем не хватает способности к рефлексии. А в этой книге, изданной ИГК почти год назад, есть замечательное выступление Александра Согомонова, который говорит о том, что нашей журналистике если чего и не хватает, так это именно рефлексии, и напоминает об опыте французской журналистики восемнадцатого века, когда тогдашние журналисты вполне сознательно способствовали популяризации и распространению идей Просвещения. Поэтому, по мнению Согомонова, то, что мы называли на нашем семинаре гражданской журналистикой, следует называть рефлексивной журналистикой.

Я полагаю, что в значительной мере те трудности, которые мы с вами переживаем, связаны с тем, что отсутствие рефлексии является не просто личной особенностью некоторых политических экспертов, но специфическим свойством "советских людей". Ведь ни для кого не секрет, что основная идея большевиков состояла в том, чтобы уничтожить рефлексию на корню, чтобы советские люди вообще слова такого не знали, разве что в словосочетании типа "сопливая интеллигентская рефлексия".

Это означает, что, если мы хотим иметь качественную журналистику, как бы мы ее ни называли, начинать надо с постановки рефлексии и вообще с формирования тех интеллектуальных функций, которые у нас находятся в зачаточном состоянии после семидесяти лет известного образа жизни. Другими словами, если не все, то во всяком случае многие наши проблемы сводятся к проблемам образовательным.

В выступлении профессора Дилигенского, опубликованном в уже упоминавшейся мною книге "Роль прессы в формировании в России гражданского общества", отмечено: "У россиян нет осмысленной информации, позволяющей понять, что происходит в стране, ориентироваться в затрагивающих каждого процессах экономической и общественной жизни". Если Дилигенский прав, а у меня нет оснований сомневаться в его социологической компетентности, отсутствие такого рода информации в значительной мере связано с особенностями нашей системы средств массовой информации, которые у нас не случайно так называются, а следовательно, с особенностями нашего сообщества журналистов и системы их образования.

Я не буду касаться специальных вопросов журналистского образования. Наверное, вас хорошо обучают излагать свои мысли, использовать образы и так далее. Про все это я говорить не буду. Но есть общие проблемы журналистского образования, которые меня давно интересуют. Ведь если обучение предполагает передачу учащимся некоторого количества готовых знаний, то образование в точном смысле слова есть прежде всего образование человеческой личности или формирования тех самых интеллектуальных функций, которые формируют скелет, костяк человеческой личности. Так вот, меня интересуют компоненты образования в узком смысле слова, которое может быть ориентировано тремя разными способами. Оно может быть ориентировано на подготовку специалистов, в данном случае журналистов, для существующей сегодня ситуации с тем, чтобы они могли, окончив университет или институт, не забывать все,

как говорил в свое время Аркадий Райкин, а приходиться на свое рабочее место и непосредственно начинать функционировать.

Противоположная ориентация системы образования – это ориентация на будущее, на наши идеалы и проекты, которые то ли реализуются, то ли нет. Так образованные специалисты в сегодняшней России, в сегодняшней ситуации работать не смогут. Вот им – то и придется, как говорил Райкин, забыть все, чему их учили, и начинать учиться не посредственно на рабочем месте снова.

И, наконец, есть третья возможная ориентация системы образования – это ориентация на переход от сегодняшней ситуации к той будущей ситуации, которую, с одной стороны, мы хотели бы видеть, а, с другой стороны, которая заведомо в точности такой не получится, а получится некая третья, которую прогнозировать довольно трудно.

Тем более, что мы живем в эпоху как российского национального кризиса так и кризиса мирового, причем, принципиально основные содержательные моменты этих двух кризисов, на мой взгляд, идентичны и состоят в том, что человечество, с одной стороны, и мы в России, в частности и в особенности, испытываем колоссальный дефицит средств преобразования существующей ситуации, которая никого не устраивает. Обратите внимание: и на Западе существует огромное количество людей, которых не устраивает сложившийся там образ жизни, и это отнюдь не революционеры. Например, Джордж Сорос, как известно, резко критикует современную западную систему, и он далеко не один.

Этот дефицит возник не случайно. Он связан со всей историей человеческой мысли. Эта история, по крайней мере, начиная с семнадцатого века, пошла по пути научной предметизации, предметной организации мышления в противоположность категориальной организации, которая осталась характерной только для выдающихся философов.

Одним из результатов такого движения оказалось то, что в итоге мы имеем более или менее развитую теорию познания или гносеологию и не имеем ничего похожего на теорию преобразования. Поэтому, когда вопрос заходит о том, как же нам менять нашу собственную жизнь или тем паче жизнь более или менее крупных человеческих сообществ, то мы оказываемся просто безоружными и единственное, что можем сделать, это устроить революцию или мордобой, что, как правило, приводит к ровно противоположным результатам по отношению к тем, которые были задуманы.

Поэтому я вижу общую проблему современного образования и прежде всего образования журналистского в восполнении недостающих средств в преобразовательной деятельности. При этом надо избежать повторения большевистских ошибок, которые игнорировали естественную компоненту эволюции общества и считали, что с помощью чисто технических приемов можно добиться любых результатов. И, соответственно, менять порождаемое таким искусственно – техническим подходом мировоззрение, менять ту самую научную картину мира, единственно верную, в которой мы все воспитаны и к которой мы привыкли, и никакой другой не знаем и в большинстве случаев знать не хотим. Никаких рецептов журналистского образования у меня, естественно, нет и быть не может, поскольку сие есть большая проблема, требующая специальных научных исследований и разработок, которыми, насколько мне известно, никто всерьез не занимается, как это не прискорбно. Кое – какие личные взгляды на этот счет у меня есть, и я очень коротко ими поделюсь.

Самое общее требование к новому образованию состоит в том, что оно должно дать человеку средства формировать собственную картину мира – у каждого свою, обратите внимание, – и дать средства самоопределиться в этом мире, найти там свое место в

противоположность существующей системе образования, которая навязывает нам единственную картину мира и применительно к журналистике говорит, в основном, о господстве одной информационной миссии журналистики по отношению к обществу.

Моя версия состоит в том, что нужно научиться ставить порознь те вопросы, которые у нас соединены, вопросы о том, что делать, как устроен мир и какими средствами мы располагаем для достижения своих целей. Вот если эти три вопроса мы разведем, и будем их обсуждать, и отвечать на них по отдельности, то тогда и окажется, что каждый из нас может строить собственную картину мира, и возникнет ситуация так называемого полимирия или, как сказал Леонид Ионин: "полимундия". Звучит не очень прилично, но терминологически точно. Если вернуться к журналистике, то я вспомнил бы о том, что я называю пространством Дзялошинского. В работах Иосифа Михайловича рассматриваются возможности самоопределения журналистов в трехмерном пространстве, задаваемом векторами: информационным (коммерческим), авторитарным и гуманитарным (коммуникационным в моей терминологии), и, вроде бы, такое пространство дает достаточно много возможностей для свободного самоопределения журналиста в любом том мире, который он, журналист, для себя сконструирует.